

Итак, ЯПО представляет для лингвистов несомненный объект многоаспектного изучения. Эта особая подсистема русского национального языка, окончательно сформировавшаяся в XIX в. и вобравшая в себя древнейшие лексемы, сохранившие семантическую общность в отношении человека и животного, раскрывающие перед исследователем возможные словообразовательные варианты. Во избежание диффузности исследования, нецелесообразно изучение ЯПО в границах охотничьего языка в целом или рассматривание его как части кинологической терминосистемы. Стилистические возможности ЯПО могут быть раскрыты при изучении особого жанра охотничьего рассказа, а также при сопоставлении стилевых черт рядовых писателей-охотников и крупнейших мастеров слова, использующих в своих произведениях единицы ЯПО. Однако очевидно, что на подступах к намеченной для исследования лингвосферы встает огромное количество вопросов, на которые предстоит найти ответы.

Литература

1. А. В. Четыре дня в деревне псового охотника. Посвящается П. И. Танееву. СПб., 1895.
2. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. Киев, 1957.
3. Булаховский Л.А. Русский...; Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 2002; Сорокин Ю.С. Инструкция по составлению словаря к «Мертвым душам» Н.В. Гоголя. М., 1960; Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90 годы XIX века. М.; Л., 1965.
4. Бунин Н.Г. Рассказы охотника. СПб., 1900.
5. Бунчук Т.Н. Концептуальный анализ текста традиционной культуры. Дисс... на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. СПб., 2003.
6. Вельтман А.Ф. Романы. М., 1985.
7. Герберштейн С. Записки о московских делах. СПб., 1908.
8. Гончаров В.И. Лексика промыслов в русском языке XVII в.; Lorenz I. Russische Jagdterminologie. München, 1978.
9. Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и северной Азии. Ч.1. Запреты на охоте и иных промыслах // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. 8. Л., 1929.
10. Смирнов Н. Охотничий язык как разновидность народной речи // Охотничьи просторы. Альманах 15. М., 1960.
11. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22-х тт. Т. 5. М., 1980.
12. Яковлева Е.С. Человек <=> животное: взаимные языковые проекции // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е.А. Земской. М., 1998.

О.А. Старовойтова
Санкт-Петербургский
государственный университет

«Новый» взгляд на действительность (к истории некоторых метафор)

Каждый период в истории русского языка отражает новый этап в развитии социальной, интеллектуальной, культурной жизни этноса. Век XVIII «в языковом отношении (так же как и в культурном плане) был переходным, переломным» [10: 8], и языковое развитие данного периода характеризуется как «постепенное сложение единой литературной нормы языка на общенациональной основе» [там же].

XIX век в основном не изменяет вектор семантико-стилистического развития отдельных единиц и системы в целом, в истории русского языка это период существенных изменений в лексико-семантической системе, связанных с серьезной внутренней перестройкой, переменами, отражающими активно протекающий процесс складывания литературного языка нового времени и норм в области лексической семантики и словоупотребления.

Характеристика Л.Л. Кутиной в отношении XVIII века («повышенная динамичность — существенная черта лексико-семантической системы столетия» [6: 28]) абсолютно справедлива применительно и к последующему столетию. Ограничение славяно-русской языковой традиции в кругу литературной нормы, внедрение областных слов в общий язык, более тесное взаимодействие между литературным языком и устной речью, усиление взаимодействия между общелитературной речью и языком наук [2: 56 – 58] — все указанные процессы свидетельствуют о постоянном движении разнообразных языковых пластов, выработке новых возможностей сочетания единиц, о стремительном развитии языка.

Естественно, что «для каждой исторической эпохи существуют свои, наиболее типические звенья эволюции, преобразование которых является существенной приметой именно данного периода» [6: 29] и изучение языковых фактов эпохи, наиболее ярко отражающих изменение семантической структуры, оказывается научно и методологически необходимым. В лексикографических целях, разумеется, необходимо производить отбор лексических единиц методом сплошной выборки, однако в исследовательских целях может оказаться полезным определенное лингвистическое прогнозирование, благодаря которому

выявляются те частотные и показательные явления, каковые и представляют «типические звенья эволюции».

XVIII век в России отмечен формированием основ науки и техники, и сопровождавшее его появление новых терминов в частности и «сложение новых терминологических систем национального языка в отличие от терминологических систем средневековья» [4: 82] в целом входят в историю развития словарного состава русского языка XVIII в. «Политехнизация» языка в этот период, таким образом, становится одной из характерных особенностей процесса.

«Начало девятнадцатого столетия в литературном отношении представляет резкую противоположность с концом восемнадцатого. В течение немногих лет просвещение сделало столь быстрые успехи, что с первого взгляда они являются невероятными. Кажется, кто-то разбудил полусонную Россию. Из ленивого равнодушия она вдруг переходит к жажде образования, ищет учения, книг, стыдится своего прежнего невежества» [5: 57]. Бурное развитие общественного сознания в 30–40 гг. XIX в. приводит к неизбежному возрастанию интереса к общественно-политическим и социально-экономическим наукам. Употребление терминологической лексики в обиходе становится достаточно типичным для XIX в. явлением, причем она может использоваться в одном ряду с архаичными представлениями о действительности: *Какие тут могут произойти трубы, звуководы, так сказать, акустические микроскопы? А вы знаете, что именно в старых домах привидения любят поселяться, шуметь по ночам и делать всякие проказы?* (В. Одоевский. Письма к графине Е.П.Р...й, 1839). Со временем терминологическая лексика проникает даже в поэзию:

И только изредка мы властны,
Случайно, правда, не всегда,
Бывать к судьбам людей причастны,
Как у машины провода.
(К.Случевский. Зябь успокоенного моря...)

...
Знают, все знают, что солнечный спектр семицветный,
Что в этом спектре есть черные полосы линий;
Вздумал ли кто отрицать семь цветов потому лишь,
Что неустойчива грань: тут зеленый? тут синий?
(К.Случевский. Знают все...)

Терминологические системы самых разных наук оказываются «неистощимым рудником», из которого черпаются соответствующие выражения, понятия, термины. Активизация подобной лексики в общепотребительном языке, ее постепенная детерминологизация, сле-

довательно, являются типичным процессом развития литературного языка данного периода. В качестве примера можно привести историю следующей лексической единицы.

В «Словаре русского языка XVIII века» сочетание *Геркулесов столп* дается с пометой *геогр.* [7, 5: 106–107]. Уже с 1-й четверти XIX в. данное выражение используется расширительно, метафорически: *Такое рассуждение могло бы быть основательным, если б природа и гений, на смех вашим законам и границам, не следовали в творениях своих одним вдохновением смелой независимости не сбывали ежедневно с места ваших Геркулесовых столпов. Жалкая неудача! Вы водружаете их с такой важностию и с таким напряжением, а они разметывают их с такой легкостью и небрежностью!* (П. Вяземский. О «Кавказском пленнике», повести, соч. А. Пушкина); *..может быть государя уже успели убедить, что на пути облегчений в русской юдоли плача, достигнуты геркулесовы столбы, что мы, Русские, недостойны большего простора* (Голоса, 1856. ч.1. Письмо к издателю); *Крестьяне в известное время возили хлеб на ближайшую пристань к Волге, которая была их Колхидой и Геркулесовыми Столпами, да раз в год ездили некоторые на ярмарку, и более никаких сношений ни с кем не вели* (И. Гончаров. Обломов).

Употребление названного выражения в более разнообразных по сравнению с первоначальной сферах приводит к расширению его синтагматических связей — появлению зависимых слов *геркулесовы столпы (столбы) чего?: Какова комедия: «Дворянские выборы» — во 2-ой книжке «Современника». Неужели это не Геркулесовские столбы пошлости?* (И. Тургенев. Письмо А. Фету, 1862); *..критика их завершается восклицанием: можно ли идти дальше этих геркулесовых столпов кощунства и дерзости!* (М. Салтыков-Щедрин. Из цикла «Письма к тетеньке». Пис. 15-е); *Так совершил свое учебное поприще Обломов. То число, в которое он выслушал последнюю лекцию, и было геркулесовыми столпами его учености* (И. Гончаров. Обломов). Параллельно с этим идет процесс формирования фразеологизма *дойти до геркулесовых столпов* 'дойти до предела, грани чего-л., до крайней точки': *Способна ли она <Марфенька> к дальнейшему развитию, или уже дошла до своих геркулесовых столпов?* (И. Гончаров. Обрыв); *Здесь отрицатели дошли до геркулесовых столпов, провозгласивши устами одного из своих пророков знаменитое положение, что сапожник выше Рафаэля, так как он делает полезные вещи, тогда как картины Рафаэля решительно ни к чему не годны* (С. Кравчинский (Степняк). Подпольная Россия).

Тонкий наблюдатель, Ю.С. Сорокин уже давно обратил внимание на употребление прилагательного *микроскопический* в языке XIX в. [8: 168–169, 9: 415–416], охарактеризовав его как «полный семантический и стилистический метаморфоз слова, перешедшего из стилей научно-книжных в стиль непринужденно-разговорный» [9: 415].

Однако развитие семантической структуры указанной единицы — *микроскопический*, представляя отчетливый вектор на протяжении определенного периода, наряду с некоторыми другими единицами, которые будут рассмотрены ниже, требует, на наш взгляд, дополнительных пояснений.

Такой оптический прибор, как микроскоп, был хорошо известен ученым еще в XVIII в.: пятая глава пятой части «О оптических опытах» Волфианской экспериментальной физики М.В. Ломоносова называлась — «О наблюдении вещей сквозь микроскопы». Трудно представить, что в XIX в. этот инструмент становится предметом обихода, тем не менее его название употребляется необычайно часто. Значительный рост числа подобных словоупотреблений вызван несколькими причинами.

Первая имеет социокультурные корни и связана с процессом формирования нового героя и в жизни, и в литературе — в соответствии с духом времени он должен был быть естествоиспытателем в широком смысле этого слова, ср.: *..когда жизнь серьезно шевельнет их мозговые нервы, тогда они <Базаровы> бросят микроскоп и скальпель, тогда они оставят недотисанными какое-нибудь ученийшее исследование о костях или перепонках* (Д. Писарев. Базаров); *Он <Карл Фохт — немецкий естествоиспытатель и философ, участник Революции 1848 г.> сменял микроскоп на ружье республиканского милиционера* (В. Короленко. С двух сторон).

Вторую причину попробуем связать с тем, что названный инструмент является о п т и ч е с к и м прибором (разрядка наша — О.С.).

Характеризуя, например, творческую манеру И. Гончарова, критик пишет: «Жизнь, им <Гончаровым> изображаемая, служит для него не средством к отвлеченной философии, а прямою целью сама по себе. Ему нет дела до читателя и до выводов, какие вы сделаете из романа: это уже ваше дело. Ошибаетесь — пеняйте на свою близорукость, а никак не на автора. Он представляет вам живое изображение и ручается только за его сходство с действительностью; а там уже ваше дело определить степень достоинства изображенных предметов: он к этому совершенно равнодушен» (Н. Добролюбов. Что такое обломовщина?). Близорукость духовная, интеллектуальная, идейная (именно в XIX в. появляется переносное значение у существительного

близорукость) — болезнь XIX в., о которой без устали твердит в первую очередь развивающаяся публицистика. И поскольку для борьбы с естественной близорукостью, о чем еще в 1752 г. писал М.В. Ломоносов («Письмо о пользе стекла...»):

По долговременном течении наших дней

Тупеет зрение ослабленных очей. <...>

Одно лишь нам Стекло в сей бедности отрада.

Оно способствием искусных руки

Подать нам зрение умеет чрез очки!

Не дар ли мы в Стекле божественный имеем?

Что честь достойную воздать ему коснем? —

используют «стекла», названия разнообразных оптических приборов начинают использовать в самого разного рода текстах. Они как нельзя лучше подходят для всяческих манипуляций, связанных с рассмотрением как реальных предметов, так и — в переносном смысле — всевозможных явлений действительности: *..всякая мысль, иногда забывтая в глубине души в трезвом состоянии, растет под поливкой шампанского, как под микроскопом* (В. Одоевский. Свидетель); *Нет, в какой микроскоп ни рассматривай Гомера, Рафаэля, Бетховена, Гете, Пушкина, ни хвоста, ни мочалы не отыщешь. А нам нужен хвост и нужно оправдать* (А. Фет. Жизнь Степановки, или лирическое хозяйство). В какой-то момент указанные лексемы настолько отрываются от реальной ситуации использования данного инструмента, что их употребление способствует созданию комического эффекта: *..испанский идалго был очень в стесненных обстоятельствах: когда ему пришлось отдать свою рубашку в мытье, то он несколько дней должен был ходить с плотно застегнутым спортуком по самое горло, так что даже с помощью микроскопа невозможно было бы открыть ни малейшего следа белья* (В. Печерин. Замогильные записки).

С другой стороны, «важность глубокого анализа и проникновения точных методов естественных наук в изучение внутреннего мира человека и его общественных отношений» [9: 416] превращает микроскоп в один из самых важных инструментов познания: *«Пора общих крупных вопросов.. теперь кончилась. Жизнь дала поворот в новую область, а чтобы узнать эту область, нужно производить исследования ее не в телескоп, а в микроскоп»* (Н. Шелгунов. Глухая пора); *Чтобы понять все с начала, вам надо смотреть в микроскоп на движение амёб* (Л. Толстой. Так что же нам делать?).

В ряду названий оптических приборов интересна история и еще одной лексемы, являющейся новацией XIX в., — слова *калейдоскоп*.

«Калейдоскоп, греч. kalos, хороший, eidos, вид и skopeo, смотрю. Оптический инструмент, в котором разноцветные камешки при легком потряхивании представляются в виде различных красивых фигур. Изобретен в Лондоне Брюстером в 1817 году», — сообщает словарь XIX в. [1: 229]. Следует обратить внимание на дату, которая является чрезвычайно важным элементом реконструкции истории данного слова: уже два года спустя после изобретения название инструмента оказывается известным русскому языку: Мазарович щедро оплачивается калейдоскопами, которыми пора прельщать Азию потому что нам уже пригляделись (А. Грибоедов. Путевые заметки, 1819).

В отличие от слова *микроскоп* трансформация смысловой структуры слова *калейдоскоп* происходит стремительно — на глазах одного поколения. Энциклопедический словарь середины 30-х гг. сообщает о пользе калейдоскопа (*С молодых лет стал он <Брюстер> заниматься оптикою, и изобрел не важную в себе, но чрезвычайно полезную в ее приложениях, вещь — калейдоскоп* [11, VII: 209]), а писатели уже во всю используют это слово в переносном значении: *Этот проспект <Невский>, обширное поле для наблюдений нравописателя и умствований философа, открывает им быт, занятия страсти и слабости жителей почти всех разрядов.. <...> когда вы пробежите его с конца на конец, тогда вам покажется, что это огромный, живой калейдоскоп, в который всыпано все человечество, с своею жизненною деятельностью, с своими модами, слабостями, чувствами, замыслами, причудами, знаниями, страстями, расчетами, красотой и безобразием, умом и безумием; вам покажется, что все это вертится, мелькает, бежит, летит мимо вас, с изменчивостью, быстротою и блеском мысли или молнии!* (А. Башуцкий. Панорама Санктпетербурга, 1834). Несмотря на объем приведенной цитаты, все же посетуем на ее недостаточность для полного представления той развернутой метафоры, которую представляет собой отрывок текста, посвященный Невскому проспекту.

Таким образом, значение 'быстрая смена явлений, лиц, событий' видится в 30-е гг. XIX в. уже окончательно сформировавшимся: Особенность «Краткого начертания» заключается в том, что оно как будто забавляется над читателями: <...> обещает показать им развитие внутренней жизни русского народа, а показывает какой-то калейдоскоп, потому что факты, им изложенные, вы можете переставлять, как вам угодно... (В. Майков. Краткое начертание истории русской литературы...).

Метафорический перенос значения существительного *калейдоскоп* осуществляется параллельно с функционированием сочетания

живой калейдоскоп, которое поначалу, по-видимому, указывает на необычную сочетаемость названия инструмента, а впоследствии становится характеризующим, эмоционально усиливающим новое значение: *Этот проспект <Невский> <...> это огромный, живой калейдоскоп, в который всыпано все человечество* (А. Башуцкий. Панорама Санктпетербурга);

В его <<Женский вестник>> **живой калейдоскоп**
войдет весь пестрый светский мир,
«Грейт Истерн» с критикой «Трущоб»,
«Миантономо» и Шекспир.

(В. Курочкин. Causerie).

Однако современники отдавали себе отчет в том, что «стекло» не только способствует более четкому, детальному рассмотрению объекта, но и приводит к серьезным искажениям изображения. О разных свойствах «очков» русского сознания XIX в. упоминали многие писатели: *все другие смотрят сквозь тусклые очки парциальных пристрастий* (В. Белинский. Современные заметки); *Она <русская критика> отразилась даже в суждениях людей, в юности своей смотревших на всю русскую словесность сквозь очки Батте и Лагарпа* (А. Дружинин. Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения); *Ни один из них <славянофилов> не сумел снять с себя — хоть на мгновенье — своих окрашенных очков* (И. Тургенев. По поводу «Отцов и детей»); *рассматривание их <вопросы русской жизни> в европейские очки, так сказать, в стекла, поляризованные под европейским углом наклона; причем нередко то, что должно бы нам казаться окруженным лучами самого блистательного света, является совершенным мраком и темнотою* (Н. Данилевский. Россия и Европа).

Крыловская Мартышка, так и этак крутящая очки, похоже, становится прецедентным феноменом русской культуры, а ее атрибут — очки — отчетливо указывает на бесплодность предпринимаемых для достижения какого-либо результата усилий. Таких мартышек появляется множество: *Сахаров, несмотря на свое доброе намерение, глуп. Он должен быть молодой человек. На вещи, на которые нужно глядеть простыми глазами, он как <будто> глядит в чорт знает какие преогромные очки* (Н. Гоголь. Письмо М. Погодину, 1839). Однако кроме бесполезности данный инструмент может — что намного хуже — искажать действительность, затрудняя процесс познания. Реальность, видимая через очки, часто приобретает специфическую окраску, неслучайно именно в это время еще одно оптическое явление — терминологическое сочетание *оптический обман* — активно используется в

расширительном значении: *оптический обман, при помощи которого рабству придавали видимость свободы* (А. Герцен. О развитии революционных идей в России).

Для борьбы с разного рода искажениями следует использовать наиболее адекватные оптические приборы, их названия начинают использоваться расширительно: *Мир возмужал: ему нужен не пестрый калейдоскоп воображения, а микроскоп и телескоп разума, сближающий его с отдаленным, делающий для него видимым невидимое* (В. Белинский. Речь о критике..).

Все большее распространение в начале XIX в. эпистолярного жанра и мемуаристики, а затем и критико-публицистического направления способствует формированию культуры письменной речи; стремление к интеллектуализации языка приводит к тому, что сфера функционирования терминологической лексики становится более обширной, в результате чего неизбежно происходят сдвиги в семантике и синтагматике (отметим в качестве типичных утрату лексической единицей терминологического значения, ее метафоризацию, развитие новых значений отвлеченного, абстрактного характера). Возникает некое новое единое языковое состояние, отмеченное определенными внутренними свойствами и векторами дальнейшего развития. «Богатство языка не состоит в одном богатстве слов: Шихматов, употребив несколько дюжин или вовсе новых, или не употребляемых слов в своей лирической поэме, не обогатил нимало казны нашего языка.» [З: 21], в горниле языковых процессов выкристаллизовываются новые значения. Так, например, увлечение словесностью в начале XIX века, интерес к слову и его потенциальным возможностям способствовали формированию новой словесной культуры, в этих условиях несложно представить себе переход бывшего термина в другую терминологическую систему. В качестве примера приведем контексты со словами, рассмотренными выше, которые, по нашему мнению, представляют новый этап в развитии слов, их вхождении в гуманитарную сферу: *Можете удостовериться в том <что язык И. Дмитриева архаичен>, взявши какой-нибудь из тех стихотворных калейдоскопов, которые то и дело выходят теперь на велевой бумаге, под именами Стихотворений так-то или другого, Петра, Сидора, Карпа* (Н. Полевой. Очерки, 1839); *..Теофил Готье, который может считаться гением микроскопической поэзии* (Аненков. Парижские письма); *..никто более его [Тургенева] не способен утопить чудную мысль, ..вдаться в ..микроскопический реализм и даже манерность* (А. Дружинин. Повести и рассказы И. Тургенева).

Как известно, лексика языка находится в постоянном движении, следовательно, создаваемый «Словарь русского языка XIX века» должен уловить характер и особенности любых динамических изменений в богатом и разнообразном словарном составе XIX века, тем самым запечатлев активно протекавший процесс сложения русского литературного языка нового времени.

Литература

1. Бурдон И.Ф., Михельсон А.Д. Словотолкователь 30000 иностранных слов. М., 1871.
2. Виноградов В.В. Основные этапы истории русского языка // История русского литературного языка. М., Наука, 1978. С. 10 – 64.
3. Вяземский П.А. Записные книжки (1813). М., 1963.
4. Замкова В.В. Специальная лексика в историческом словаре (К вопросу об отборе слов) // Проблемы исторической лексикографии. Л., Наука, 1977. С. 81 – 93.
5. Киреевский И. Обзор русской словесности 1829 г. // Киреевский И. Критика и эстетика. М., 1998.
6. Кутина Л.Л. Динамика семантической системы языка и возможные аспекты показа ее в лексикографии // Проблемы исторической лексикографии. Л., Наука, 1977. С. 28 – 39.
7. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 5: Л., 1989. Вып. 12: СПб., 2001.
8. Сорокин Ю.С. Естественно-научная лексика в публицистике Д.И. Писарева // Ученые записки Ленинградского гос. ун-та. Т. 122. Сер. филол. наук, вып. 16.
9. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30 – 90-е годы XIX века. М.; Л., 1968.
10. Сорокин Ю.С. Что такое исторический словарь? // Проблемы исторической лексикографии. Л., Наука, 1977. С. 4 – 27.
11. Энциклопедический лексикон изд. А. Плюшара. СПб. 1835–1841. 17 тт.